

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 17, Is. 5, Pp. 1066–1075, 2024
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 394/395 (517.3)

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-1066-1075

Обряд *сэтэр татаха* и культ почитания духов воды у монгольских народов

Суржана Борисовна Миягашева¹

- ¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
 кандидат исторических наук, научный сотрудник
 0000-0002-3646-0370. E-mail: [surjana\[at\]yandex.ru](mailto:surjana[at]yandex.ru)

© КалмНЦ РАН, 2024

© Миягашева С. Б., 2024

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена изучению архаических пластов традиционной культуры монгольских народов, основанных на почитании воды, водных источников и, в частности, анализу культа водных духов. *Целью* исследования является описание ритуала почитания хозяина воды Луусан-хана с посвящением ему жертвенного животного *сэтэр*. *Материалы и методы.* Достижение данной цели осуществляется посредством использования этнографических и фольклорных источников бурят и монголов. Основным источником послужил текст рукописи на монгольском языке под названием «Luus-un qaγan-u seter-ün sudur bui» («Сутра *сэтэра* Луусан-хана») из фондов Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. *Результаты.* В статье проведен источниковедческий анализ манускрипта, текст которого впервые вводится в научный оборот. Исследована семантика обряда *сэтэр татаха* и его элементов, определены мотивы обменов и умиловивлений во время поклонения воде и водным хозяевам, установлены мифоритуальные параллели культа почитания воды с традиционными мировоззрениями тюрко-монгольских народов. Определено, что с точки зрения своего назначения данный обрядовый текст позволяет понять основные направления развития бурятских ритуальных практик конца XIX – начала XX в. *Выводы.* Выявлено, что обряд *сэтэр татаха* входил в круг ритуального комплекса бурят и имел большое значение для хозяйственной деятельности скотоводов. Установлено, что исследуемый письменный источник относится к ритуальным текстам синкретического характера, предназначенным для совершения религиозно-бытовых культов и практик, среди которых одним из уникальных и редких является культ почитания водного покровителя Луусан-хана.

Ключевые слова: моление у водоемов, буддийский ритуал, духи-хозяева воды, символика, водные лошади, культ нагов

Благодарность. Статья подготовлена в рамках государственного задания по проекту «Письменные традиции народов Байкальского региона в контексте историко-культурного наследия России и Внутренней Азии» (номер госрегистрации: 121031000263-3).

Для цитирования: Миягашева С. Б. Обряд *сэтэр татаха* и культ почитания духов воды у монгольских народов // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 5. С. 1066–1075. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-1066-1075

The Rite of *Seter Tatak*h and the Cult of Water Spirits among the Mongolic Peoples

Surzhana B. Miyagasheva¹

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Research Associate

 0000-0002-3646-0370. E-mail: surjana[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Miyagasheva S. B., 2024

Abstract. *Introduction.* The article deals with archaic layers of Mongolic traditional cultures — worship of water, water sources and bodies — to specifically analyze the cult of water spirits. *Goals.* The study seeks to describe the rite of venerating the water master Luusan Khan through dedicating a sacrificial animal referred to as ‘seter’. *Materials and methods.* To facilitate this, the work shall address a variety of ethnographic and folklore sources of the Mongolic peoples. Still, the main source herein be the Mongolian-language manuscript titled ‘*Luus-un qayan-u seter-un sudur bui*’ (‘Sutra of Seter [Offering] for Khan of the Luus’) and housed at the Center of Oriental Manuscripts and Xylographs (IMBT SB RAS). *Results.* The article provides a source analysis of the manuscript, its text being newly introduced into scientific circulation. It attempts an insight into the semantics of *setertatak*h and its elements, identifies certain motifs of exchange and propitiation traced in the worship of water and water masters, and delineates some mythological parallels between the water cult practice and traditional worldviews of Turko-Mongols. The ritual of animal dedication was aimed at appeasing the master of water, the animal be a prominent one with certain qualities and signs. In return, the addressee was expected to take care of the involved humans and their livestock, bestow protection, longevity, and various benefits. The consecrated animal was hence considered the property of the water spirit, and had to be ritually clean. It was endowed with sacred powers and believed to contain the life force of livestock. The paper resumes with due regard of its purpose, the ritual text helps us understand key development directions of Buryat ritual practices throughout the late nineteenth and early twentieth centuries. *Conclusions.* The work reveals that the rite of *setertatak*h was part of the Buryat ritual agenda believed of utmost importance for economic activities of livestock breeders, since it was meant to deliver to Luusan Khan — requests for juicy grass, health, fertility of humans and animals. It is also established that the examined written source clusters with essentially syncretic Buryat ritual texts for religious and everyday cults and practices, a unique and rare one of the latter being that of the water master Luusan Khan.

Keywords: prayer at waterbodies, Buddhist ritual, master spirits of water, symbolism, water horses, Naga cult

Acknowledgements. The reported study was funded by government assignment, project no.121031000263-3 ‘Scriptural Traditions of Baikal Peoples in the Context of Historical and Cultural Heritage of Russia and Inner Asia’.

For citation: Miyagasheva S. B. The Rite of Seter Tatak and the Cult of Water Spirits among the Mongolic Peoples. *Oriental Studies*. 2024; 17 (5): 1066–1075. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-1066-1075

1. Введение

Сакрализация воды как отдельный культ испокон веков присутствует у монгольских народов. В традиционной религиозной культуре монголосферы присутствовали отдельные эдзены (духи-хозяева) рек, водоемов и водных пространств — *Усны лусуд* (монг.), *Уха Лосон*, *Уха Лулан* (бурят.), *Усун*

хадын эзэн (калм.), которые почитались как хозяева рыб и духи речного промысла [Абаева 2022: 264].

Култ почитания воды и водных духов монгольских народов достаточно освещен с исторической и этнографической точек зрения в научных трудах М. М. Содномпиловой, С. Ю. Неклюдова, Л. С. Дампиловой,

Л. Л. Абасовой, Э. М. Цыденова [Содномпилова 2009; Неклюдов 2017; Неклюдов 2019; Дампилова 2017; Абасова 2022; Цыденов 2012] и других.

Описание традиционных представлений бурят-шаманистов, у которых был широко развит персонифицированный пантеон почитания водной сферы и рыбного промысла *Ухан хат*, приводится в работах М. Н. Хангалова, А. А. Бадмаева [Хангалов 2021; Бадмаев 2018] и других исследователей.

Буддийская интерпретация культа воды затрагивается в работах Р. Небески-Войцковича [Nebesky-Wojkowitz 1993], О. Н. Намжилова [Намжилов 2022].

Ламы широко практиковали включение в буддизм тех или иных шаманских культов, поэтому культ почитания воды и водных духов в основном входит в круг ритуальных почитаний земли *сабдагов* и *луусад*. В буддизме *луусад* — это божества водной стихии, на санскрите именуемые *наги*, по легенде они обитают глубоко под землей. Считается, что они могут наслать различные болезни, напасти, град, наводнения и засуху. В связи с этим существует специальный календарь, в котором расписывают дни ритуальных подношений *нагам* [Намжилов 2022: 216–217]. В обрядовой практике лам существуют различные формы проведения ритуальных молебнов почитания водных духов, такие как моления на *обоо*, ритуал *луусад тахил*, обряд воскурения *сан*, обряд *сэтэрлэх*, обряд подношения *багин* и *торма* в честь хозяев воды. Сохранились различные ритуальные тексты на тибетском и монгольском языках, описывающие их проведение, однако особый интерес для изучения подобных обрядов представляет рукопись на монгольском языке, именуемая «Luus-un qayan-u seter-ün sudur bui» («Сутра *сэтэра* Луусан-хана») из фондов Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ЦВРК ИМБТ СО РАН) [Luus-un: Л. 1r–3r]. Подобные рукописные манускрипты являются оригинальными по своему содержанию, так как имеют вариативность и отражают локальные традиции. Поэтому введение в научный оборот отдельных образцов буддийских сочинений, определяющих специфику

бурятских обрядовых сочинений в общем контексте тибето-монгольской традиции, является весьма актуальным.

2. Описание письменного источника

В ЦВРК ИМБТ СО РАН в составе фонда М-II под инвентарным № 498 хранится манускрипт, именуемый «Luus-un qayan-u seter-ün sudur bui», лл. 1r–3r [Luus-un: Л. 1r–3r]. Текст выполнен на бумаге российского производства формата потхи, имеет размеры 10 x 34 (8,5 x 29,5) см. Титульное название прописано на монгольском языке, колофон отсутствует. Письменный источник выполнен черными чернилами, слова местами подчеркнуты красными чернилами, пагинация обозначена монгольскими цифрами на левой стороне листа [Annotated catalogue 2006: 64].

Приведем транслитерацию текста.

(f. 1r) Luus-un qayan-u seter-ün sudur bui.
f. 1v. om-a-a huu. yurban-ta // huu ene edür-e bi kiged yogaçari ba. ed-ün tegüsüyen öglige-yin ejen-i. sakin ibigegçi luus-un qayan burqan-i urin jalamui. ene takil-un orun-dur ögede bolun soyury-a. ene edür-e öglige-yin ejen-ü takil-un ene orun-dur luus-un qayan burqan ögede bolun soyury-a // erdeni-yin qayan bisman tngri ed-ün tngri. amin nasun-u urtu bolayçi sakiyulsun luus-un qayan burqan-i urin jalamui. ene takil-un orun-dur ögede bolun soyury-a. öglige-yin činü ejen bi eyimü neretü teyimü jil-dü. öçüken mayu kümün bi činü yerüngki sitügen boluysan luus-un qayan burqan-dur eyimü jisütü edün mal-iyen nerelen bariju seter tatan jalbariju barin mörgümü. edün mayu-yin öglige-yin ejen-i edür-ün çay-tur. qarayul bolı-a. şüni-yin çay-tur sakiyulsun bolı-a. sayin-luy-a uçırayul.
(f. 2r) mayui-aça jayılayul. ünükü bügüdeyin nasun-i nemegül. jalaıu bügüdeyin çoy-i delgeregül-ün ibegen soyury-a. ideküi amandur idegen ed-i elbeg bolı-a. unaqui alan-dur morin-i elbeg bolı-a. küseksen küsel-i ülemji öggün soyury-a. köke jisütü kölge činü luus-un qayan burqan-dur seter tatan mörgün bariba. ene sitün bariysan-iyar bögesü-tü terigün-i minu bütün bolı-a. bürileküi amin-i minu bütün batu möngke bolı-a a-a. busuraqui bayuraqui sülde-i minu çoy jibgulang-tai bolı-a-a. ene edür-e luus-un qayan burqan-dur seter tatan bariysan adayusun minu sürüg-ün dotur-a yabuquı-

dur jaγun adayusun-i erkin bolγ-a. mingγan adayusun mal-i čimeg bolγ-a. luus-un qaγan burqan sakiγulsun-i ene mori-yi sakin soyurγ-a a-a γayiqamsiy-tu ene edür-e uquγantu degedü morin erdeni-yin toluyai üндүр boluγsan-ıyan sakiγulsun-u čari üндүр boluγsan. dörben türüyün (f. 3v)-ıyer γajar giskigsen-ıyer γajar-un yisün ada-yi doruyči darumui. üsün inü eldeb erdenis. dayun inü aray-a-yin dayun. qangsiyar inü belegen-ün qangsiyar qoyar nidün inü nara saran qoyar bui. eber sikiñ küdüleküi inü onisun. ulayan kele inü kilbelgen metü. aman-ača γaraqui ayur inü budang metü. ingčayaquı dayun inü tngri-yin dayun metü. del segül inü kiib janggiy-a baris irbis eldeb utasu egülen toγtaysan metü. dörben kül γajar giskigsen-yier qamuy qour-a tan-i darun giskibe. yeke dayun γaruγsan-ıyar qourluγči atan-un toluyai qaγalumui. eldeb jüil kiib oγusur-ıyar čayan ösükei-tü köke mori-yi luus-un qaγan burqan-dur seter tatan bariba. usun neretü köke öngge-tü morin-i ed-ün sitügen luus-un qaγan (f. 3r)-dur sitün tataba. ene sitün tataγsan-ıyar amin nasun uratu boltuγai. buyan kisig nemetügei. busu jar ebedčün taqul ariltuγai.

[Luus-un: Л. 1r–3r].

Манускрипт представляет собой буддийский обрядник, который используется во время ритуала подношения жертвенного животного *сэтэр* духу-хозяину воды. *Сэтэром* именуется жертвенное животное, преподносимое в честь божеств во время специального обряда *сэтэрлэх* (в данном случае обряд именуется *сэтэр татаха*). Текст начинается с краткой мантры «Ом а хум», которую необходимо повторить три раза (*гурбан та*). Главным адресатом ритуала выступает божество, именуемое Луусан-хан бурхан. Как упоминалось выше, у монгольских народов существует культ водных духов, именуемых *луу*, *луусад*. Согласно исследованиям ученых, слово происходит от тибетских представлений о водных и метеорологических духах-хозяевах *лу* (орфографически *klu*) и слова *луу* ‘дракон’ [Неклюдов 2017: 182]. В монгольской мифологии дракон (*луу*) причисляется к небесным богам — тенгри (Луу-тенгри), однако также может выступать локальным и хтоническим духом водоема, называемым *лус*

(*лусууд*, *лусад*, *лусын*, *лусан*, *лосон*). Исследователи отмечают, что четкое разграничение между этими персонажами отсутствует, и в фольклоре монгольских народов *луу* (небесные драконы) и *лус* / *лусад* (хозяева, духи вод) взаимосвязаны и зачастую имеют схожие функции [Дампилова 2017: 182].

В буддийской картине мира иерархия водных существ строилась на том, что буддисты верили в существование владыки вод ‘правителя драконов’, именуемого иначе Гушин зурган лусад, что указывает на то, что он управлял 36 лусами (*лусууд сабдаг*) — водными духами-драконами. Учитывая подобную множественность земных духов-хозяев, владыка вод обозначается словом *luus* с «артикулированным» множественным числом [Неклюдов 2019: 185–186], а сами лусы делятся на цветовые категории: Черный лус, Синий Лус и Белый Лус [Потанин 1883: 262]. В исследуемом нами тексте дух-хозяин воды именуется множественным показателем Луусан и его персонификация дополнительно дублируется титулами *хан* (qaγan ‘вождь, властитель; государь’) и бурхан (burqan ‘божество’).

Следующим после него в зачине текста призывается буддийское божество Бисман тэнгри (Намсарай (тиб.), Вайшравана (санскр.)), который почитается гением-покровителем богатства и одним из четырех стражей света, охраняющим северную сторону [Нацов 1995: 126]. Как видно из анализа исследуемого текста, к призываемым божествам обращаются с просьбами снизить и оказать покровительство и благосклонность, выражающиеся словами *урин заламуй* ‘приглашать, просить пожаловать’ и *соёрха* ‘соблаговоли, пожалуй что-либо’. Затем божествам предлагается в качестве подношения лучшее животное. Для ритуала посвящения *сэтэр* отбирают наиболее красивых или отмеченных особыми отметками животных. Поэтому следующая часть текста гласит, что бурхану Луусан-хану преподносится лошадь синей масти, обладающая определенными качествами и даже магическими способностями: «наступающая четырьмя копытами на землю, подавляющая девятых чертей земли, волосы (грива) его — различные драгоценности, голос

его — горловой голос, переносица его с отметиной, два глаза — солнце и луна, движение его «рожек»-ушей искусно, красный язык его подобен сиянию молнии, воздух, исходящий из его рта подобен легкому туману, ржание его подобно небесному грому, спина и хвост его (украшены) шелковыми лентами, нитями (из шерсти) тигра и барса, которые подобны скоплению облаков, как только наступает на землю четырем копытами, топчет всех злодеев, громким ржанием своим он раскалывает головы вредоносным существам, преподносим в качестве сэтэра бурхану Луусын-хану синего коня с белыми пятками [копытами], украшенного различными шелковыми лентами» [Luus-un: Л. 3v]. Подобное описание качеств жертвенного животного *сэтэр*, предназначенного для Луусан-хан бурхана, было направлено на его задабривание и подчеркивание, что ему посвящается все самое лучшее, и тем самым взамен ожидают заботы и покровительства над людьми и животными. В завершение обрядовый текст заканчивается обращением к хозяину водной стихии даровать защиту, долголетие, различные блага, обилие пищи, размножение скота, усилить жизненную энергию *сультэ*, освободить от препятствий, болезней и вредоносных влияний.

Датировать данный письменный источник, хранящийся в ЦВРК ИМБТ СО РАН, ввиду отсутствия колофона, представляется сложным. Учитывая его небольшой объем, можно определить, что в тексте отражены особенности ритуального действия, и характерные для буддийских обрядников канонические зачины и введения были опущены, уступив место непосредственно практическим действиям. В целом манускрипт является образцом бурятской обрядовой литературы на монгольском языке, повествующей о традиции, входившей в хозяйственно-бытовой календарь, которая совершалась монгольскими народами в рамках культа воды и водных гениев.

3. Обряд *сэтэрлэх* / *сэтэр татаха*

Сэтэрлэх — это обряд посвящения домашних животных божествам-небожителям и духам-хозяевам места, который одновре-

менно существовал в двух религиозных традициях — шаманской и буддийской [Эрдэнэболд 2012: 81]. У бурят подобный добуддийский обряд посвящения животных в честь божеств и духов-хозяев местности изначально назывался *онголхо* — «посвящение хозяину» [Герасимова и др. 2006: 120] и, вероятно, в последующем был заменен тибетским термином *сетер* / *цетар* («tshe thar» тиб.) В буддизме *сэтэр* / *сетер* — понятие, означающее обряд, дословно означающий «дарование жизни» [Сухбаатар 1997: 176].

Монголы полагали, что жертвоприношения необходимо совершать в разное время года, исходя из того, что в конкретный сезон активна одна из групп таких духов — белым лусам жертву приносили зимой, синим — весной, черным — летом [Эрдэнэболд 2012: 43]. Во время церемонии жертвенное животное очищают, обливая чистой водой, ламы читают над ним сутры и окуривают дымом можжевельника или богородской травы. Затем присутствующие повязывают на шею или гриву животного жертвенные шелковые ленты и хадаки пяти цветов, иногда используют разноцветные полоски ткани, скрученные вместе с волосами из гривы [Жуковская 1968: 225; Эрдэнэболд 2012: 81].

После обряда животное должно было оставаться ритуально чистым. *Сэтэр*, посвященные божествам, пользовались особым положением, на них нельзя было ездить, особенно женщинам, запрещалось продавать или убивать их, т. е. оно должно было дожить до своей естественной смерти. Как мы упоминали ранее, выбор посвящаемого духам-хозяевам животного требовал тщательного отбора, например, в этнографической литературе упоминается случай, когда хозяину скалы Улаан-хада посвятили некачественного жеребца, и тот породил плохое потомство, тем самым «испортил» местные табуны лошадей. В последующем жители улуса стали заменять реальное животное игрушечным конем [Герасимова и др. 2006: 120–121]. В Западной Монголии, а также у тувинцев на родовые *оваа* помещали изготовленные из дерева фигурки домашних животных — быков, лошадей, овец, с целью пожелания хорошего приплода

скота [Терентьев 2014: 204–205; Бутанаев, Монгуш 2005: 15]. Замещение могло быть определено и экономической составляющей вопроса. Для того чтобы сакральная сила *сэтэра* не иссякала, ранее посвященное животное необходимо было ежегодно приводить на тайлаган для совершения *сэтэрлэх*, при этом каждый раз добавляли пару новых ленточек к тем, что уже были привязаны к его гриве [Бадмаев 2014: 336]. У монголов был обычай менять старое животное на молодое, их ставили так, чтобы они соприкоснулись друг с другом мордами. Считалось, что подобным образом происходило объединение жизненных сил двух животных [Эрдэнэболд 2012: 87]. Даже после смерти *сэтэра* его требовалось почитать, поэтому посвященных животных, умерших от старости и болезней, хоронили с особым почетом [Герасимова и др. 2006: 120].

Основным мотивом проведения обряда *сэтэрлэх* являлось призывание благополучия, удачи и успеха. Слова рукописного текста гласят: «стань стражем в дневное время, защитником в ночное время, направь ко всему хорошему, убереги от всего плохого, прибавь долголетия, умножь обилие пищи, умножь лошадей для езды, претвори все задуманное» (л. 1v–2r). Монгольские народы верили, что божества, связанные с водами, обладают огромными богатствами. Существуют множество преданий о том, что наги являются хранителями несметных богатств, которыми они могут одарить человека за бережное и почтительное отношение к окружающему миру [Менкенова и др. 2020: 253]. Для степных кочевников богатство в первую очередь измерялось в количестве скота и умножении рода. Мотив пожелания хорошей плодovitости стад отражается в сезонной игре «Цагаан мод хаях» («Бросание белого дерева»), которую монголы предназначали для луса-сабдака, когда он в начале лета прибывает на землю после зимней спячки [Эрдэнэболд 2012: 80]. Функции игры имели символический смысл магического благопожелания и были направлены на обеспечение благополучия и счастья, где значение понимается как «надо играть, чтобы «множился скот», «для счастья и плодородия», а отдарком должны стать хорошая

жизнь, сочная трава, здоровье, плодovitость людей и животных [Герасимова и др. 2006: 127].

К духам воды обращались также с просьбами избавить от различных болезней и напастей. Из буддийской мифологии известно, что луусы и наги могут наслать болезни крови, лимфы, суставов, легких и женские болезни, в особенности кожные заболевания [Намжилов 2022: 216–217]. У тувинцев обряд *сэтэрлэх* в честь водных гениев проводился в том случае, если выяснялось, что члены семьи страдают от гнева водных духов, а также при детских болезнях, лечении больного, пораженного злым духом [Кенин-Лопсан 2021: 101–102]. Поэтому исследуемый нами ритуальный текст заканчивается словами «удлини жизни, прибавь благополучие, очисти от различных болезней и эпидемий» [Luus-un: Л. 3r]. Таким образом, посвящение животного *сэтэр* духам воды представляет собой один из магических способов защиты от бедствий, болезней, способствует увеличению поголовья скота и размножению рода.

4. Семантика *сэтэра* и его масти

Монгольские народы посвящали в качестве *сэтэра* лошадей определенной масти, а также крупный и мелкий рогатый скот. Считалось, что для увеличения благоденствия *буян хишиг* необходимо приносить в жертву местным божествам только лошадь и овцу, т. е. животных «с теплой мордой», так как именно животные с «горячим дыханием» обладают способностью накапливать и хранить благодать. Как отмечает Л. Эрдэнэболд, овец для обряда *сэтэр* выбирали крайне редко, учитывая, что они живут непродолжительное время, поэтому предпочитали посвящать лошадей [Эрдэнэболд 2012: 84]. В свою очередь лошадь являлась одним из главных продуктов обмена кочевого хозяйства, поэтому именно она была объектом ритуального обмена: люди предлагали божеству то, что предпочитали сами, человек жертвовал божеству самое ценное, что было в его хозяйстве [Нестеров 1990: 90]. К тому же, учитывая большую роль лошади в культе монгольских народов и ее возможную связь с тотемистическими

представлениями, становится понятна ее главенствующая роль в ритуалах [Вяткина 1968; Липец 1984].

В рассматриваемом нами письменном источнике в качестве жертвенного животного указана «лошадь синей масти, именуемая «водной» (*усун нэрэту хухэ унгэту морин*) [Luus-un: Л. 3v]. Цветовая символика объясняется тем, что синий цвет и близкие ему голубой, серый (иногда черный) устойчиво ассоциируются в традиционном мировоззрении монгольских народов с водой [Содномпилова, Нанзатов 2014: 109].

Мотив связи водной стихии с лошадьми имел широкое распространение у многих народов, например, в традиционной культуре тюрко-монгольских народов присутствуют следы представлений о необычных лошадях, имеющих водное происхождение. Так, у тюркских племен образ лошади ассоциировался с водной стихией, например, в башкирском эпосе сохранился древний мифологический мотив о водяных конях, обитающих в разных озерах и их жожаке Ак-Бузает [Липец 1984: 125]. В легендах бурят и монголов встречается мотив случки кобылиц с неким водным существом из озера и рассказывается, что кобылица может разродиться синим водяным аргамаком. В итоге родившийся у кобылы жеребенок обладает серой мастью, которая является маркером его принадлежности водному миру, и наделен определенными необычными свойствами [Лосино-серый скакун 2010: 144]. Вероятно, свойства водных лошадей, родившихся от случки с водными существами, были наделены семантикой богатства, плодородия и процветания. Например, можно упомянуть хакасские легенды о сивом теленке, рожденном от духа-хозяина озера, в котором оказалась заложена жизненная сила скота *мал худы*, после он окаменел, но от него продолжала исходить жизненная сила скота, хакасы для получения счастья и умножения поголовья скота через каждые три года совершали ему жертвоприношения [Бутанаев, Монгуш 2005: 21–22].

Согласно исследованиям ученых, культ водных коней своими корнями уходит к древнейшим индоевропейским мифологическим традициям, учитывая, что у древних

иранцев волны моря представлялись в виде кобыл, которые при встрече с белым жеребцом Тиштреей, божеством Сириуса, производят воду, и божество Вата подбрасывает эту воду к облакам (цит. по: [Бакаева 2003: 215]). Образ лошади, связанной с водной стихией, имелся и в тибетской мифологии. У тибетцев сохранились многочисленные предания о лошади, называемой *klu rta* «голубая водяная лошадь, украшенная змеями» (*dmu ride, dmu rta*). Она относилась к категории вахан, т. е. ездовых животных, на которых передвигаются верхом дхармапалы, в данном случае луусы и наги. Как отмечает Р. Небески-Войкович, ваханы различаются по цвету, в зависимости от окраса дхармапал [Nebesky-Wojkowitz 1993: 13–14]. Поэтому, чтобы задобрить духов воды, монголы посвящали им скот разной масти, желательно соответствующий их цветовому облику [Эрдэнэболд 2012: 43].

Упоминания о водных лошадях встречаются в тибетских сутрах, например, в тексте, посвященном культу Ваджрапани и восьми царей восьми нагов, упоминаются «водяной конь» (*chu rta*) и «водяной бык» (*chu glang*) [Зорин 2014: 179]. Особый интерес представляет поверье монгольских народов о том, что дракон может превращаться в быка или корову, а тибетские лу описываются с лошадиными и бычьими мордами [Неклюдов 2014: 170].

Таким образом, культ духов воды был тесно связан с образом лошади. Монгольские народы полагали, что такое животное является живым онгоном, т. е. телесным воплощением духа или божества, призванного сберегать хозяйство и домашнее стадо. Более узко животное рассматривали как средство передвижения для небожителей и духов-хозяев [Бадмаев 2014: 334].

5. Заключение

Проведенное этнографическое описание обряда почитания бурхана Луусан-хана доказывает существование своеобразной синкретической модификации, допускающей исполнение обряда и шаманами, и ламами, и тем самым отражает локальную традицию обряда почитания духов воды у бурят. В результате исследования выявлено, что ри-

туал посвящения *сэтэр* духам воды входил в традиционные календарные обряды монгольских народов и был направлен на обеспечение плодородия и благополучия людей. В целом традиция сакрализации воды

и водных духов имеет единые этнокультурные истоки религиозных традиций насельников Центральной Азии — тибетских, монгольских, а также тюркских этнических групп.

Источники

Luus-un — Luus-un qayan-u seter-ün sudur bui («Сутра сэтэра Луусан-хана»): рукопись формата потхи, 10 x 34 (8,5 x 29,5) см // Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Ф. М-II. Инв. № 498 (На монг. яз.).

Sources

Luus-un qayan-u seter-ün sudur bui ('Sutra of Seter [Offering] for Khan of the Luus'). Manuscript. Pothi format. 10x34 (8,5x29,5) cm. At: Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (SB RAS); Center of Oriental Manuscripts and Xylographs. Coll. M-II. Inv. no. 498. (In Mong.)

Литература

- Абаева 2022 — *Абаева Л. Л.* Феномен сакрализации воды в религиозных доминантах монгольских народов // *Власть*. 2022. Т. 30. № 6. С. 262—268.
- Бадмаев 2014 — *Бадмаев А. А.* О шаманском обряде посвящения животных «сэтэрлэх» у закаменских хонгодоров // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. 2014. Т. 20. С. 334—336.
- Бадмаев 2018 — *Бадмаев А. А.* Подводный мир в традиционном мировоззрении бурят // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2018. Т. 17. № 3. С. 148—155.
- Бакаева 2003 — *Бакаева Э. П.* Добуддийские верования калмыков. Элиста: Джангар, 2003. 358 с.
- Бутанаев, Монгуш 2005 — *Бутанаев В. Я., Монгуш Ч. В.* Архаические обычаи и обряды саянских тюрков. Абакан: Хакас. гос. ун-т им. Н. Ф. Катанова, 2005. 196 с.
- Вяткина 1968 — *Вяткина К. В.* Культ коня у монгольских народов // *Советская этнография*. 1968. № 6. С. 117—122.
- Герасимова и др. 2006 — *Герасимова К. М., Галданова Г. Р., Очирова Г. Н.* Традиционная культура бурят: учебное пособие. 2-е изд. Улан-Удэ: Бэлиг, 2006. 144 с.
- Дампилова 2017 — *Дампилова Л. С.* Мифологическая семантика змей (могой), хозяев вод (лус) и дракона (луу) в фольклоре монгольских народов // *Традиционная культура*. 2017. № 4(68). С. 182—189.
- Жуковская 1968 — *Жуковская Н. Л.* Влияние монголо-бурятского шаманства и дошаманских верований на ламаизм // *Проблемы этнографии и этнической истории народов Восточной и Юго-Восточной Азии*. М.: Наука, 1968. С. 211—236.

References

- Abaeva L. L. Phenomenon of sacralization of water in religious dominants of Mongolian peoples. *Vlast'*. 2022. Vol. 30. No. 6. Pp. 262—268. (In Russ.) DOI: 10.31171/vlast.v30i6.9395
- Badmaev A. A. About "Seterleh" shamanistic rite of animal initiation at the Zakamensk Hongodors. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. 2014. Vol. 20. Pp. 334—336. (In Russ.)
- Badmaev A. A. Underwater world in the traditional Buryat worldview. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2018. Vol. 17. No. 3. Pp. 148—155. (In Russ.) DOI: 10.25205/1818-7919-2018-17-3-148-155
- Bakaeva E. P. Pre-Buddhist Beliefs of Kalmyks. Elista: Dzhangar, 2003. 358 p. (In Russ.)
- Butanaev V. Ya., Mongush Ch. V. Archaic Customs and Rites of Sayan Turks. Abakan: Katanov Khakas State University, 2005. 196 p. (In Russ.)
- Vyatkina K. V. Horse cults among Mongols. *Sovetskaya etnografiya*. 1968. No. 6. Pp. 117—122. (In Russ.)
- Gerasimova K. M., Galdanova G. R., Ochirova G. N. Buryat Traditional Culture. Coursebook. Second edition. Ulan-Ude: Belig, 2006. 144 p. (In Russ.)
- Dampilova L. S. Mythological semantics of snakes (mogoy), water spirits (luz) and dragon (luu) in the folklore of the Mongolian peoples. *Traditional Culture*. 2017. No. 4 (68). Pp. 182—189. (In Russ.)
- Zhukovskaya N. L. Impacts of Mongolian-Buryat shamanism and pre-shamanic beliefs on Lamaism. In: Stratanovich G. G. (ed.) *East and Southeast Asia: Issues of Ethnography and Ethnic History*. Moscow: Nauka, 1968. Pp. 211—236. (In Russ.)

- Зорин 2014 — *Зорин А. В.* Текст по культу Ваджрапани и восьми царей нагов в древнем тибетском свитке Дх-178 из собрания ИВР РАН // Зографский сборник. Т. 4 / отв. ред.: М. Ф. Альбедиль, Я. В. Васильков. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 170–197.
- Зорин A. V. Institute of Oriental Manuscripts (RAS): [Analyzing] one text dealing with the cult of Vajrapani and Eight Naga Kings in the ancient Tibetan manuscript Дх-178. In: Albedil M. F., Vasilkov Ya. V. (eds.) *Zograf Collection*. Vol. 4. St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography (RAS), 2014. Pp. 170–197. (In Russ.)
- Кенин-Лопсан 2006 — *Кенин-Лопсан М. Б.* Традиционная культура тувинцев. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2006. 248 с.
- Kenin-Lopsan M. B. *Tuvan Traditional Culture*. Kyzyl: Tyva Book Publ., 2006. 248 p. (In Russ.)
- Липец 1984 — *Липец Р. С.* Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М.: Наука, 1984. 262 с.
- Lipets R. S. *Images of Batyr and His Horse in Turko-Mongolian Epic Narratives*. Moscow: Nauka, 1984. 262 p. (In Russ.)
- Лосино-серый скакун 2010 — Лосино-серый скакун // Степные были и небылицы. Улан-Удэ: Респ. информ. центр, 2010. С. 144–146.
- The Moose-Grey Horse. In: *True and Untrue Stories of the Steppe*. Ulan-Ude: Respublikanskiy Informatsionnyi Tsentr, 2010. Pp. 144–146. (In Russ.)
- Менкенова и др. 2020 — *Менкенова К. В., Алжеева М. М., Эрдниева Е. А., Сельдииков А. М.* Культ нагов — водных духов (усна эзн) в калмыцких народных сказках // Успехи гуманитарных наук. 2020. № 12. С. 252–256.
- Menkenova K. V., Alzheeva M. M., Erdnieva E. A., Seldikov A. M. The cult of Nagas-water spirits (usna ezen) in Kalmyk folk tales. *Modern Humanities Success*. 2020. No. 12. Pp. 252–256. (In Russ.)
- Намжилов 2022 — *Намжилов О. Н.* О буддизме простыми словами. Улан-Удэ: Респ. тип., 2022. 424 с.
- Namzhilov O. N. *Buddhism in Lay Terms*. Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2022. 424 p. (In Russ.)
- Нацов 1995 — *Нацов Г. Д.* Материалы по истории и культуре бурят. Ч. I / введение, перевод и примечания Г. Р. Галдановой. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. 155 с.
- Natsov G. D. *Materials in Buryat History and Culture*. Pt. 1. G. Galdanova (introd., transl., etc.). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 1995. 155 p. (In Russ.)
- Неклюдов 2014 — *Неклюдов С. Ю.* Эти капризные и ленивые драконы: от паремии к мифу // Антропологический форум. 2014. № 21. С. 152–165.
- Neklyudov S. Yu. These capricious and lazy dragons: From proverb to myth. *Forum for Anthropology and Culture*. 2014. No. 21. Pp. 152–165. (In Russ.)
- Неклюдов 2017 — *Неклюдов С. Ю.* Многоликий дракон // In Umbra: демонология как семиотическая система: альманах. Вып. 6. М.: Индрик, 2017. С. 157–202.
- Neklyudov S. Yu. The many-faced dragon. In *Umbra: demonologiya kak semioticheskaya sistema*. 2017. Vol. 6. Pp. 157–202. (In Russ.)
- Неклюдов 2019 — *Неклюдов С. Ю.* Фольклорный ландшафт Монголии. Миф и обряд. М.: Индрик, 2019. 520 с.
- Neklyudov S. Yu. *Folklore Landscapes of Mongolia: Myth and Ritual*. Moscow: Indrik, 2019. 520 p. (In Russ.)
- Нестеров 1990 — *Нестеров С. П.* Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. 141 с.
- Nesterov S. P. *Horse in Cults of Medieval Central Asian Turks*. Novosibirsk: Nauka, 1990. 141 p. (In Russ.)
- Потанин 1883 — *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии: результаты путешествия, исполн. в 1876–1877 г. по поручению Имп. Рус. геогр. о-ва чл. сотр. одного Г. Н. Потаниным. Вып. 4. Материалы этнографические. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1883. 1025 с., илл.
- Potantin G. N. *Essays on Northwestern Mongolii: Outcomes of the Expedition Undertaken in 1876–1877*. Vol. 4: Ethnographic Materials. St. Petersburg: V. Kirshbaum, 1883. 1025 p. (In Russ.)
- Содномпилова 2009 — *Содномпилова М. М.* Мир в традиционном мировоззрении и практической деятельности монгольских народов. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2009. 366 с.
- Sodnompilova M. M. *The World in Traditional Worldviews and Practical Activities of Mongols*. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2009. 366 p. (In Russ.)

- Содномпилова, Нанзатов 2014 — *Содномпилова М. М., Нанзатов Б. З.* Зөв зус, или «правильная» масть лошади в коневодческой культуре монгольских народов: символика масти // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2014. № 3(15). С. 100–116.
- Цыденов 2012 — *Цыденов Э. М.* К некоторым обрядам в современном бурятском шаманизме // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 8. С. 242–247.
- Терентьев 2014 — *Терентьев В. И.* Религиозные практики кочевников Западной Монголии: обычай *сэтэртэй мал* у дербетов // Антропологический форум. 2014. № 22. С. 191–211.
- Хангалов 2021 — *Хангалов М. Н.* Собрание сочинений: в 3 тт. Т. I. Улан-Удэ: НоваПринт, 2021. 568 с.
- Эрдэнэболд 2012 — *Эрдэнэболд Л.* Традиционные верования ойрат-монголов (конец XIX – начало XX в.). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2012. 194 с.
- Сухбаатар 1997 — *Сухбаатар О.* Монгол хэлний харь Үгийн толь (= Словарь заимствованных слов монгольского языка). Улаанбаатар: Адмон, 1997. 233 х.
- Annotated catalogue 2006 — Annotated catalogue of the collection of Mongolian manuscripts and xylographs M II of the Institute of Mongolian, Tibetan and Buddhist studies of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences. (CNEAS Monograph Series, No. 24). Compiled by Nikolay Tsyrempilov, edited by Tsymzhit Vanchikova. Sendai: Tohoku University, 2006. 210 p.
- Nebesky-Wojkowitz 1993 — *Rene de Nebesky-Wojkowitz.* Oracle and Demons of Tibet. The Cult and Iconography of the Tibetan Protective Deities. Varanasi: Published by Book Faith India, 1993. 572 p.
- Sodnompilova M. M., Nanzatov B. Z. ‘Zov zus’ or ‘right’ horse paint in the horse-breeding culture of the Mongolian peoples: Horse paint symbolism. *Bulletin of the Buryat Scientific Center SB RAS.* 2014. No. 3 (15). Pp. 100–116. (In Russ.)
- Tsydenov E. M. On some rites in the modern Buryat shamanism. *Buryat State University Bulletin.* 2012. No. 8. Pp. 242–247. (In Russ.)
- Terentyev V. I. Religious practices of nomads of Western Mongolia: The *seterter mal* custom of Derbets. *Forum for Anthropology and Culture.* 2014. No. 22. Pp. 191–211. (In Russ.)
- Khangalov M. N. Collected Writings. In 3 vols. Vol. 1. Ulan-Ude: NovaPrint, 2021. 568 p. (In Russ.)
- Erdenebold L. Traditional Beliefs of Oirat Mongols, Late Nineteenth – Early Twentieth Centuries. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2012. 194 p. (In Russ.)
- Sukhbaatar O. A Dictionary of Loanwords in Mongolian. Ulaanbaatar: Admon, 1997. 233 p. (In Mong.)
- Tsyrempilov N. (comp.) Annotated Catalogue of the Collection of Mongolian Manuscripts and Xylographs M II of the Institute of Mongolian, Tibetan and Buddhist Studies of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (CNEAS Monograph Series 24). Ts. Vanchikova (ed.). Sendai: Tohoku University, 2006. 210 p. (In Eng.)
- Nebesky-Wojkowitz R. Oracles and Demons of Tibet: The Cult and Iconography of the Tibetan Protective Deities. Varanasi: Book Faith India, 1993. 572 p. (In Eng.)

